

наетъ круто спускаться въ лощину притока рѣки Дубнички, стоялъ небольшой домикъ— караулка. Эта караулка повидимому служила складочнымъ мѣстомъ для припасовъ, такъ какъ послѣ штурма, наши войска нашли здѣсь мѣшки съ рисомъ, крупю, мукою и полные ящики патроновъ.

Турецкія войска, занимавшія Горно-Дубняцкую позицію, размѣщались главнымъ образомъ внутри самыхъ укрѣпленій, въ весьма прочно и хорошо устроенныхъ землянкахъ, расположенныхъ параллельно и непосредственно за фасадами. Кромѣ того виднѣлись палатки за горжею Большого редута, именно: въ двухъ овражистыхъ и извилистыхъ лощинкахъ, или вѣрнѣе промоинахъ, спускающихся къ притоку р. Дубнички было нѣсколько шалашей; наконецъ, на сѣверномъ берегу р. Дубнички, близъ впаденія въ нее притока, стоялъ отдѣльный небольшой лагерь, какъ кажется кавалерійскій.

Въ подробностяхъ, мѣстность, по которой приходилось наступать Л.-Гв. Финляндскому полку, представляла собою слѣдующее.

Верстахъ въ двухъ къ западу отъ редутовъ, т. е. тамъ, гдѣ полкъ пересѣкъ Софійское шоссе, простиралась довольно обширная, открытая равнина, засѣянная высокой кукурузой. Далѣе, приближаясь верстахъ въ полтора отъ редутовъ, уже въ районѣ дѣйствительнаго артиллерійскаго огня турокъ, находилась весьма пологая лощина, вѣрнѣе складка, которая прикрывала наступающаго, если не совсѣмъ, то въ достаточной мѣрѣ, отъ огня изъ редутовъ.

За лощиной мѣстность нѣсколько поднималась; тамъ росъ рѣдкій молодой дубовый лѣсъ, густо заросшій дубовымъ же кустарникомъ. Однако этотъ лѣсъ находился въ сферѣ сильнѣйшаго ружейнаго огня изъ за валовъ редута, такъ что вся площадь его не давала никакого укрытія отъ турецкихъ пуль; его красно-бурая листва, какъ бы указывала своимъ цвѣтомъ, что, начиная отсюда, полкъ будетъ нести громадныя потери и прольетъ много дорогой крови.

Въ тысячѣ слишкомъ шагахъ отъ позиціи противника, начиналась вырубленная часть лѣса, представлявшая собою зеленую поляну совершенно открытую дѣйствию огня защитниковъ укрѣпленій. Наступавшія по этой полянѣ люди были видны изъ редутовъ какъ на ладони; во время боя смерть косила здѣсь людей цѣлыми рядами, почему названіе „поляна смерти“, данное этой мѣстности участниками сраженія, вполне ей соответствовало. Нѣсколько болѣе толстыхъ деревьевъ, умышленно оставленныхъ турками при вырубкѣ этой части лѣса, казалось, могли дать хоть нѣкоторое укрытіе отъ града пуль; на дѣлѣ же наши солдаты, искавшіе за ними минутнаго убѣжища, становились наиболѣе вѣрными жертвами смерти, такъ какъ турки заблаговременно измѣрили разстояніе до этихъ деревьевъ.

За „поляной смерти“ слѣдовала глубокая лощина притока рѣки Дубнички, лежавшая въ мертвомъ пространствѣ; тутъ можно было укрыться не только отъ выстрѣловъ, но и отъ взоровъ противника. Правый берегъ этой лощины, ближайшій къ редутамъ, имѣлъ значительную крутизну и подняться на этотъ берегъ было довольно затруднительно. За лощиной находилась довольно высокая равнина, слегка возвышающаяся по направленію къ редутамъ, шириною отъ края лощины до редутовъ шаговъ въ 400-500. Вытоптанная турками, выжженная солнцемъ и огнями бивачныхъ костровъ, равнина эта лишена была всякой раститель-

*Геройская смерть командира Финляндцевъ Генерала Лаврова въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.
(Съ картины Н. Бунина. Офицерское собраніе полка).*

ности; унылая, грязно-желтая съ черными слѣдами турецкихъ костровъ, она, за исключеніемъ нѣсколькихъ ложементовъ, вырытыхъ турками для аванпостныхъ цѣпей, не имѣла никакихъ закрытій, обстрѣливалась съ редутовъ великолѣпно, почему и служила какъ бы эспланадой передъ ними; не только движеніе по ней, но даже подъемъ изъ лощины дѣлали каждого наступавшаго тутъ неминуемой жертвой огня изъ редутовъ и только случайное счастье давало возможность атакующему избѣжать здѣсь смерти.

Такимъ образомъ мѣстность по которой пришлось Л.-Гв. Финляндскому полку вести атаку Горно-Дубнянскихъ редутовъ представляла слѣдующіе рубежи: лощину-складку за лѣскомъ, лѣсъ съ кустарникомъ, зеленую поляну вырубленного лѣса рѣки Дубнички и послѣднія 500 шаговъ до редута—эспланаду. Въ общемъ описанная мѣстность была крайне неблагопріятна для наступленія; подъемъ же изъ лощины на эспланаду и движеніе по этой послѣдней подъ огнемъ противника составляли истинный подвигъ, достойный самага высокаго героизма.

Приближаясь къ шоссе, головной батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка сталъ перестраиваться въ строй по-ротно въ двѣ линіи и затѣмъ, миновавъ шоссе, зашелъ лѣвымъ плечомъ впередъ, чтобы встать фронтомъ къ редуту. Вслѣдъ за 4-мъ батальономъ начали перестроенія и прочіе батальоны. 1-й батальонъ, двигаясь за 4-мъ и также зайдя на $\frac{1}{4}$ круга, выдвинулся на одну высоту съ 4-мъ батальономъ и сталъ влѣво отъ него. Образовавшаяся такимъ образомъ боевая линія Л.-Гв. Финляндскаго полка протянулась къ сѣверу отъ шоссе въ направленіи почти къ нему перпендикулярномъ. Лѣвый флангъ ея былъ обезпеченъ казачьей бригадой Полковника Черевина, наблюдавшей всю мѣстность къ сѣверу отъ редутовъ. Съ указаннаго мѣста Л.-Гв. Финляндскій полкъ и началъ вести достопамятный бой 12-го октября *.

Продолжая наступленіе по открытой мѣстности къ сѣверу отъ шоссе, батальоны боевой линіи выслали въ цѣпь по двѣ роты; 1-й батальонъ—2-ю и 3-ю, а 4-й батальонъ—14-ю и 15-ю роты; остальные двѣ роты каждаго батальона слѣдовали во второй линіи.

Между тѣмъ слѣдовавшія при колоннѣ Генерала Розенбаха 4-я и 5-я батареи Л.-Гв. 2-ой артиллерійской бригады выѣхали на позицію не переходя шоссе и открыли съ 900 саженой огонь по кавалеру редута. Прибывшая вслѣдъ затѣмъ 2-я гвардейская конная батарея стала на позицію къ сѣверу отъ шоссе нѣсколько далѣе отъ редутовъ, чѣмъ пѣшія батареи.

3-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, слѣдовавшій при подходѣ къ шоссе за 1-мъ, выдѣлилъ 9-ю роту въ прикрытіе конно-артиллеристовъ; прочія же три роты этого батальона, перейдя на сѣверную сторону шоссе и перестроившись въ одну линію, составили резервъ полка, получившій приказаніе держаться за правой частью боевой линіи полка, т. е. за 4-мъ батальономъ.

* Описаніе сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ, какъ и всей кампаніи 1877-78 г. имѣетъ въ своей основѣ дневникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка за камп. 1877-78 г. (архивъ полка), составленный комиссіей изъ офицеровъ полка участниковъ похода: Генералъ-Маіора Шмидта, Полковника Вейса, Штабсъ-Капитана Барона-фонъ-Функа 1, флигель-Адъютантанта Штабсъ-Капитана фонъ-Вольскаго, Поручика Деви, Прапорщика Мосягина и Подпоручика Дюбоассіера.

2-ой батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, двигавшійся при наступленіи отъ деревни Чириково въ хвостѣ колонны полка составилъ вмѣстѣ со 2-мъ батальономъ Л.-Гв. Павловскаго полка бригадный резервъ, который оставленъ былъ не переходя шоссе. Прочіе же Павловскіе батальоны развернули свой боевой порядокъ къ югу отъ шоссе.

При выдѣленіи въ резервъ 2-ой батальонъ построился по-ротнo, выславъ 8-ю роту для прикрытія одной полу-ротою знаменъ, другою перевязочнаго пункта, открытаго близъ того мѣста, гдѣ 1-й и 4-й батальоны пересѣкли шоссе; здѣсь уже были полковые врачи, санитарныя повозки, спѣшно открывался перевязочный пунктъ. Изъ того же 2-го батальона была вытребована 5-я рота для прикрытія конной батареи.

1-й и 4-й батальоны, наступая по высокой кукурузѣ приняли нѣсколько влѣво, почему образовался между ними и стоявшими на позиціи пѣшими батареями нѣкоторый интервалъ, для пополненія котораго, командиръ 4-го батальона, Полковникъ Вейсъ выслалъ изъ 2-й линіи—13-ю роту, какъ ближайшую, къ образовавшемуся промежутку. Это было въ 9 часовъ утра.

Къ этому времени войска отряда Генерала Гурко окружали Горный Дубнякъ почти сплошнымъ кольцомъ. Ближе всѣхъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ подошли полки средней колонны, особенно Лейбъ-Гренадеры; батареи же всѣхъ трехъ колоннъ, всего—болѣе 50 орудій, стояли на позиціи, примѣрно въ 1½ верстахъ отъ редутовъ, по которымъ онѣ сосредоточили огонь. Батареи лѣвой колонны, уже стрѣлявшія нѣкоторое время по редуту, привлекли на себя огонь турецкой артиллеріи, начавшей обстрѣливать не только эти батареи, но и наступавшіе 1-й и 4-й батальоны. Въ рядахъ этихъ батальоновъ уже начали являться раненые, а лишь только 13-я рота была двинута въ цѣпь, какъ храбрый командиръ ея Капитанъ Мясниковъ былъ пораженъ тремя осколками гранаты; это была первая жертва изъ офицерскаго состава полка *. Роту принялъ Поручикъ Горожанскій.

Между тѣмъ, огонь турецкихъ орудій становился все губительнѣе, нанося значительный уронъ, особенно 4-му батальону, вырывая изъ строя цѣлые ряды. Но полкъ наступалъ къ противнику, имѣя впереди своего командира, съ величественнымъ спокойствіемъ ѣхавшаго на конѣ и ободрявшаго солдатъ. Чтобы уменьшить потери, командиръ 4-го батальона Полковникъ Вейсъ приказалъ своимъ ротамъ скорѣе добѣжать до лощины, простиравшейся передъ дубовымъ лѣсомъ. Вскорѣ въ эту лощину перебѣжали и прочія роты, откуда продолжали наступленіе къ дубовому лѣсу, который манилъ ихъ какъ убѣжище отъ выстрѣловъ противника. Въ немъ всѣ надѣялись найти закрытіе, перевести духъ, устроиться.

Но горько было разочарованіе ¹⁷: весь лѣсъ осыпался градомъ турецкихъ пуль. Не видя непріятеля, не имѣя возможности стрѣлять по немъ, трудно оріентируясь и тщетно бросаясь для укрытія то въ одну, то въ другую сторону, роты расползлись, растянулись. Пули шумѣли въ лѣсу, какъ сильный градъ; они съ сухимъ трескомъ ударялись въ стволы деревъ, отбивали сучья и въ нѣсколько минутъ вывели изъ строя до 100 человекъ. Визгъ и жужжаніе пуль, стоны раненыхъ, громкія команды и слова одобренія,

* Въ 1885 году Капитанъ Мясниковъ скончался отъ раны, будучи Полковникомъ въ отставкѣ.

